

показаться с первого раза: в каждом из них есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать в чем именно: это тонко, как паутина» (стр. 81).

Трудно в нескольких словах изложить содержание этой переписки, не имеющей определенного стержня и касающейся самых разных вопросов и тем. К интереснейшим местам относятся те, в которых поднимается вопрос о различии общественного положения того и другого корреспондента. «Вы,—пишет Надсон,— графиня, аристократка, и проч. и проч., а я — плебей; неужели же мне льстит идея именно поэтому дорожить нашими письменными отношениями? Как знать? Человеческая натура — вещь сложная; Бог ведь какие мелкие чувства шевелятся иногда против воли в нашей душе» (стр. 76). Надсон защищает класс «косматых» литераторов и юношей, окружающих их; графиня Лида говорит о достоинствах высшей аристократии, к которой Надсон относится более, чем равнодушно. В ответ на сведения о ряде великосветских особ поэт холодно и раздражительно отвечает: «Мое ухо более привыкло к именам Островского, Салтыкова, Тургенева и пр., и пр.», (стр. 78).

В общем переписка дает не мало материала для биографии и характеристики личности Надсона. В этом, разумеется, ее основная ценность. Нельзя, однако, не отметить и того, что сама по себе она представляет небезынтересный роман в письмах. Лишенный внешней фабулы, он богат, однако, психологическими перипетиями, дающими ему поступательное движение. Естественная развязка — смерть поэта — и маленький эпилог: отрывки из писем графини Лиды по поводу смерти поэта сообщают ему художественную законченность.

Д. Выгодский.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. 2000 экз. Стр. 96.

И терпентин на что-нибудь полезен... Айхенвальд существует для того, чтобы людям окончательно необразованным и глупым простодушно докладывать, что вот-де он читал такую-то и такую-то книжку и — разрешите я вам доложу, что

вы, ходячая посредственность и голова, с трудом ориентирующаяся в четырех правилах арифметики, можете в этой, как говорят понимающие люди, умной книжке понять. И докладывает, вежливо-велько так, сладенько: толпы баранов слушают его. Однако нам чистый расчет, чтобы и баран чему-нибудь учился, — наверное он от книжки Айхенвальда уходит с чувством некоторого небесного просветления и чистой благодати, излившейся на его почтенное руно. Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: «Скончался Блок — на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн... Пытаясь сказать неслезанное, он тклет паутинные сплетения лирики... очень трогательны, например, его стихи о маме... радость и страдание могут сочетаться воедино... присущее его поэзии легкое дыхание... и кажется, что обители лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Гумилев: «Он в самом деле акмеист... романтик, борющийся за голубую лилию... принадлежит ему вся красота консерватизма... наш утонченный воин, наш холерный боец... он аристократ и гордый носитель самоуважения... Ахматова: «явила образ женской души... так задушевные и проникновенные ее интонации... это пленительно». Еще глава, но та совсем уж о М. Шагинян. Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем.

С. Бобров.

Н. К. ПИКСАНОВ. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. Гос. Изд. Москва 1922 г.

Вопрос о литературных влияниях принадлежит к числу вопросов, наименее ясных и разработанных в науке. Иногда самая законность постановки вопроса о влиянии одного автора на другого может возбудить сомнения. Ведь художе-

ственное произведение, в особенности произведение гениальное, есть известная общественная необходимость. Оно возникает, как ответ на запрос данной среды, возникает всегда, когда среда должна осознать известную стадию пройденного пути в художественном образе. Самое существенное в художественном произведении—это его связь с средой, с источником, вызвавшим его к жизни. Всякая наука стремится, в конечном счете, установить законы, управляющие той или иной категорией явлений. Что может дать самое тщательное исследование сходных стихов, фраз, сюжетов и образов у двух авторов? Шекспир заимствовал сюжеты и даже отдельные выражения героев почти во всех своих пьесах из разных источников. И если сравнительный анализ хроники Бельфоре и «Гамлета» может представлять интерес, то лишь в том смысле, что этот анализ путем сравнения позволяет еще глубже оттенить душевный мир той среды, в которой возникла трагедия о датском принце, еще ярче постигнуть психологию английского общества эпохи Ренессанса. Кто-то из критиков насчитал во всей мировой драматической поэзии всего девять или десять трагических сюжетов. Около 125 пьес написано на один сюжет «Дон-Жуана». И однако, ничего общего нет между обработкой Тирсо де Молино и пушкинским «Каменным гостем». Исследование, посвященное вопросу о заимствованиях, или влияниях, не может дать плодотворных результатов, если автор не имеет в виду, при помощи его, пролить свет на тот или иной еще не освещенный уголок в сложной сфере взаимоотношений между литературой и социальной средой.

Н. К. Пиксанов с редкой добросовестностью проделал огромный труд и подверг переоценке все попытки сближения грибоедовской комедии с разными произведениями европейской литературы, начиная с года появления комедии и кончая известной статьей нашего мольериста А. Н. Веселовского: «Альцест и Чацкий», и этот пересмотр привел его к печальному заключению, что большая часть этих ученых усилий были затрачены попусту, что кроме Мольера можно «сразу выбросить из дальнейшего

обсуждения по очевидности натяжек» всех авторов, с которыми сближали Грибоедова. У исследователей, интересовавшихся влиянием Мольера на Грибоедова, проф. Пиксанов отмечает пестроту и разнокалиберность, отсутствие системы, принципа, какой-нибудь классификации в распределении тех приблизительно двадцати пунктов, которые сближают «Горе от ума» с «Мизантропом». Распределив эти пункты на несколько групп: прямые заимствования текста, сходства действующих лиц, аналогии в сценическом плане и родство в идейном содержании,—проф. Пиксанов приходит к выводу, что моментов, поддающихся сближению, очень немного, большинство же следует признать натяжками.

Автор дает блестящий пример того, как сходные бытовые условия могут вызвать в литературных произведениях двух разных авторов сходные образы и картины и ввести в заблуждение исследователей (на стр. 54). Далее, он говорит, что идейность обеих пьес «конкретизирована, связана тесно с образностью и бытом». Отсюда является «легкая возможность выводить идейность «Горя от ума» из самого русского быта, а не из литературных влияний». В высшей степени характерны следующие строки: «Екатерининские тузы во главе с Максимом Петровичем, конечно, не то, что придворные Людовика XIV, но в условном обобщении можно утверждать, что Альцест и Чацкий одинаково обличают «знать» и придворные «нравы». Судебные злоупотребления, от которых страдает Альцест, разумеется, не то, что низкопоклонство Молчалина и радение Фамусова родному человечку, но опять, схематизируя, можно сказать, что и Мольер и Грибоедов обличают «бюрократию». Зато обличения крепостного права, скалозубовщины, репетиловщины, галло- и германофобии—совершенно чужды идейности «Мизантропа», а ведь они-то именно и придают «Горю от ума» своеобразие и горячий пафос» (58).

Не нужно быть марксистом, достаточно быть просто объективным и чутким ученым, для того чтобы подойти к тем выводам, которые одни могут дать ценность современному научному исследованию. Работа Н. К. Пиксанова—лучшее подтверждение этой мысли. П. С. Коган.